

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Руж
PERPETUUM MOBILE
7

Татьяна Устинова
МОЯ БАБУШКА ГОВАРИВАЛА...
69

Елена Логунова
ПАРАД БАБОЧЕК
74

Анна и Сергей Литвиновы
ОТКЛЮЧЕНИЕ
135

Альбина Нури
НА ЗАБРОШЕННОЙ ДОРОГЕ
182

Евгения Михайлова
ПАПИНА ДОЧЬ
208

Елена Бриолле
ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХ
234

АЛЕКСАНДР РУЖ

• PERPETUUM MOBILE •

занесла же их нелегкая в этот греческий порт!

Анита обвела глазами грязную пристань, темные волны, яростно набегавшие на пирс, и вздохнула. Вид из кафе, где они завтракали с Алексом, открывался не самый радостный. Но в Пиреусе везде так — на то он и порт.

Можно было бы перебраться в Афины, до них совсем близко, и вариантов для проживания там больше, однако обстоятельства заставляли не удаляться от берега. Со дня на день разбушевавшееся Эгейское море, как уверяли старожилы, должно успокоиться, и тогда появлялся шанс уговорить шкипера какого-нибудь из стоявших на приколе судов подвезти незадачливых путешественни-

ков хотя бы до Крита, а если подфартит, то и до Италии.

Анна Сергеевна Максимова, урожденная Анита Моррьентес, и ее супруг, русский инженер Алексей Петрович Максимов, странствовали не праздно. Или нет, не так. До определенного момента это был вояж ради новых впечатлений и отдыха, но затем их затянуло в круговорот событий, непосредственно связанных с шаткой ситуацией в Европе, и они стали мечтать о скорейшем возвращении домой. Мечта почти сбылась, в румынской Констанце их ждал пароход, шедший в Россию, но Анита получила письмо от своей сестры из Испании. Та просила срочно приехать.

Не откликнуться на просьбу ближайшей родственницы, с которой они к тому же не виделись более десяти лет, было никак невозможно, и Анита уговорила Алекса переменить планы. Вместо того чтобы отправиться на восток, они двинулись на запад. Путь неблизкий, с остановками, и одна из них чрезмерно затянулась. Явление вполне себе предсказуемое, сетовать не на кого. Конец декабря — не лучшее время для плаванья по средиземноморским просторам. Едва они прибыли в Пиреус, разразился шторм

и бушевал уже вторую неделю, намертво заперев корабли в гавани.

Анита изводилась от вынужденного безделья и мыслей о сестре, ждущей ее приезда. Алекс тоже не испытывал удовольствия, меряя шагами серые, по-зимнему унылые улочки. В Пиреусе, как в любом портовом селении, толком всяческий сброд, съехавшийся из разных уголков мира. Чопорные британские аристократы, пижонистые французские буржуа, желтолицые китайцы, чернокожие арапы, румянощекие славяне... Все ждали прекращения бури: одни — чтобы занять места в каютах пассажирских парусников и пакетботов, другие — впрячься в привычную матросскую работу или спуститься в чад корабельных кочегарок, третьи — возобновить рыбный промысел, прерванный непогодой. Равнодушные сохраняли только портовые бродяги, слонявшиеся по набережной. Четверо из них — имевшие цыганистую внешность и облаченные в пестрое рваньё — вели себя особенно назойливо. Они предлагали услуги: подвезти на самодельной развалюхе, в которую впрягались на манер рикш, или поднести покупки. Алекс отгонял их, но они все равно слетались, как хищники в расчете на поживу.

Максимовы и сопровождавшая их служанка Вероника остановились в убогой гостинице с тараканами и такой скверной едой, что употреблять ее без риска для жизни не решился бы даже человек с луженым желудком. Средства позволяли им подобрать кров попримечнее, но эта гостиница была ближайшей к причалу. Окна выходили на море, и, просыпаясь каждое утро в стылой, небрежно убранной комнатенке, Анита первым делом отодвигала занавеску в надежде, что Посейдон усмирил свой гнев и взору предстанет спокойная глянцевиная гладь, слегка подернутая рябью от рассветного бриза.

Увы, надежды не оправдывались. Миновало Рождество, настал новый, 1851 год, дни текли за днями, а за окном ничего не менялось. Прогнозы бывалых рыбаков, обещавших скорое прекращение ненастья, не сбывались, и Анита мало-помалу погружалась в топкую, илистую, как морское дно, ипихондрию.

— Ждем еще три дня. Если ветер не уляжется, едем посуху, — рубанул сплеча Максимов, ковыряя вилкой осточертевший

10 салат с брынзой и маслинами.

Кафе, которое они облюбовали для завтраков, обедов и ужинов, не отличалось разнообразием меню, зато, как и гостиница, размещалось в непосредственной близости от пирса и позволяло неотрывно созерцать буйство водной стихии.

— Посуху? — усомнилась Анита. — Отсюда до Мадрида? Как это у вас говорят... для бешеной собаки семь верст не крюк?

Но Алекса не так-то легко было сбить с толку.

— Пересечем Балканы и посмотрим, что делается по ту сторону. Возможно, Адриатика ведет себя не так строптиво.

— Ваши бы слова, Алексей Петрович, да Зевсу в уши, — подал голос третий сотрапезник, сидевший за их столом, и промокнул толстые губы матерчатой салфеткой.

Это был Артемий Лукич Чернояров — по его словам, коренной москвич, вынужденный в связи со служебными делами уже добрый десяток лет мотаться по заграницам. О своей работе он говорил скупно, сообщил лишь, что приписан к дипломатическому корпусу. Аниту не удивили ни этот факт, ни скрытность нового знакомца. Греция, не так давно обретшая независимость от Османской империи, находилась в слож-

ном положении и с трудом выпутывалась из политических кризисов, связанных со сменной властью. Король Оттон слыл неважным правителем, и за его спиной плелись постоянные интриги с участием Британии, Турции и России, которая считала Балканский полуостров сферой своих непосредственных интересов.

Артемий Лукич, выполнив в Афинах деликатную миссию, полагал отправиться морским путем в Рим, а оттуда на перекладных в Лондон, но принужден был наравне с прочими несчастливцами сидеть и ждать у моря погоды. Общие чаяния сблизили его с Максимовыми, он часто подсаживался к ним в кафе и заводил беседы, чьи темы неизменно сводились к одному и тому же: как поскорее покинуть этот постылый городишко.

Лет пятнадцать назад греческое правительство приняло решение построить первую в стране железную дорогу. Но за истекшее время строительство так и не началось, поэтому единственным средством передвижения по стране оставался гужевой транспорт. В условиях здешней дождливой зимы Максимов, обладавший сугубо техническим складом ума, оценил скорость езды как ката-

строфически низкую. И все же бездействие казалось ему еще большим злом.

— Надо что-то решать, Нелли, — твердил он ежеутренне, удостоверившись, что море не желает смирать свой норов.

Анита кивала, издавала одобряюще-согласное мычание, но по существу вопроса предпочитала не высказываться. Она и сама не понимала, как лучше поступить: набраться терпения и выждать или плюнуть на все и довериться лошадям. Пусть Алекс решает, с него и спрос, если что-то пойдет не так.

В то утро, сидя за столиком и лицезрея безотрадный штормовой пейзаж, они вкупе с Артемием Лукичом приступили к обсуждению перехода через Балканы, как вдруг произошло нечто, внесшее диссонанс в размеренный ход разговора.

Послышалось негромкое жужжание, и откуда ни возьмись на каменные плиты пола выскочил серый продолговатый предмет. Он двигался столь быстро, что нельзя было в подробностях определить его очертания. Присутствовавшие в кафе дамы с визгом вскочили на ноги и кинулись к выходу, а иные забрались на стулья, подобрав подолы.

— Мышь! Мышь! — зазвучало на разных языках.

Анита к мышам относилась без симпатии, но и без панического страха. В поместье, где они с Алексом проводили значительную часть времени, этих грызунов водилось предостаточно. Да и не свойственно мышам жужжать, аки пчелам.

Меж тем неопознанный объект шустро сновал по полу, выписывая вокруг столиков восьмерки и другие замысловатые фигуры. Кто-то швырнул в него полотенцем, кто-то ложкой, бестолково забегали официанты. Кажется, один только Максимов сохранял невозмутимость. Он присмотрелся к траектории движения предмета, передвинулся чуть влево и, изловчившись, схватил его рукой.

— Так и знал!

Он держал деревянную, покрытую лаком коробочку размером с объемистую табакерку. Снизу в ней были сделаны прорезы, в которых крутились металлические колесики. Алекс осмотрел добычу со всех боков, обнаружил маленький рычажок, сдвинул его, и жужжание прекратилось.

Он водрузил коробочку на столик рядом со своей тарелкой. Гам в кафе постепенно

улегся, и посетители, удостоверившись, что ничего ужасного не произошло, сгрудились возле отважного русского.

А он не чувствовал себя героем, его вниманием всецело завладел пойманный механизм.

— Как он работает, Алекс? — спросила не менее заинтересованная Анита.

— Сейчас поглядим.

Максимов столовым ножом поддел верхнюю часть коробочки. Крышка поддалась, обнажив мозаику из мелких деталек и хитросплетения проводков.

— Что и требовалось доказать. — Алекс поочередно потыкал пальцем в различные узлы. — Батарея, ротор, магнит... Миниатюрный электрический двигатель. Эта штука, — он покачал коробочку на ладони, — весит не больше фунта. Тяги вполне достаточно, чтобы придать ей резвость.

— Надо же! — подивился Артемий Лукич. — Я в технике, признаться, дуб дубом. Гальваника, лейденские банки... Темный лес.

— Пустяки! — небрежно бросил Алекс. — Мы не в пещерном веке живем. Физика, химия — все давно поставлено на службу человечеству.

Они говорили по-русски, и столпившийся около столика народ недовольно гудел, ничего не понимая. Господин Чернояров по-гречески обратился к ближайшему официанту, а тот, в свою очередь, затараторил с любопытствующими посетителями. Они, ворча, стали расходиться.

— Я сказал, что эта машинка — ваше собственное изобретение, — пояснил Артемий Лукич. — Она случайно завелась и вырвалась на волю, вы ее изловили. Но, как все гениальные ученые, вы нелюдим и чрезвычайно злитесь, когда кто-то посторонний лезет в ваши дела. Можете и салатницей в голову запустить.

— Спасибо, — буркнул Максимов, не отрываясь от своего занятия. — Представляю, какое мнение сложилось у них о моей персоне!

— Главное, что маневр сработал, — заметила Анита. — Все разошлись. Так что доставай записку.

— Какую записку?

— Алекс, не валяй дурака. Я же видела, как ты вытащил из этой жужжалки какую-то бумажку и спрятал в рукав.

Она наклонилась к нему и извлекла на свет четвертушку дешевой бумаги. Развер-

нула ее и прочитала накорябанные карандашом слова:

— «Помогу добраться до Италии. Сегодня в шесть вечера за старым маяком».

Максимов потянул листок к себе, взгляделся в строчки.

— Написано по-русски. Еще один соотечественник?

— Здесь их немало. — Господин Чернояров пригубил из бокала красное вино. — Но вам не кажется, что он выбрал для общения с нами довольно необычный способ?

— С нами ли? — засомневался Алекс и посмотрел записку на свет, словно полагал, что она, помимо уже озвученного Анитой текста, содержит какие-либо тайные знаки. — Он могла предназначаться любому в этом кафешантане.

Анита с ним не согласилась.

— Людей здесь много, да. Но, судя по речам, да и по лицам, помимо вас с Артемием Лукичом, русских среди них нет. Никто бы не понял написанного. К тому же этот неведомый доброжелатель знает, что его адресат нуждается в транспорте. Вряд ли это совпадение.

Дипломат одобрительно склонил лысеющую голову.

— Вы правы, сударыня. Послание предназначено для нас. Что будем делать?

Максимов посчитал вопрос лишненным смысла.

— Что тут раздумывать! Надо пойти и встретиться с этим типом. Не думаю, что мы чем-то рискуем. А вдруг он нам действительно поможет?

Когда Алексу подалось что-то связанное с механикой, он ощущал себя в своей стихии, а его доверие к людям, обладающим технической жилкой, было неизмеримо выше, нежели к тем, кто не умел отличить болта от гайки. Вот и теперь он изучал негаданно попавший в руки четырехколесный трофей и понимал, что имеет дело не с профаном. Чтобы смастерить такую игрушку, нужно владеть определенными навыками. Интересно, что предложит при встрече отправитель загадочного письма?

Уже стемнело, когда все трое выдвинулись на рандеву с неизвестным. Шли вдоль береговой линии залива Сароникос, на изрядном расстоянии от кромки моря, чтобы не попасть под лапы волн, по-тигриному бросавшихся на сушу.

Старый маяк стоял на окраине Пиреуса
18 и был заброшен. Город после обретения

Грецией суверенитета планировалось превратить в промышленный центр и огромный порт, который мог бы посоперничать масштабами с Лондонским и Константинопольским. В середине тридцатых годов немецкий архитектор Шауберт составил проект, по которому и перестраивались улицы, изрядно обветшавшие за времена османского владычества. Территория Пиреуса, согласно этому проекту, должна была вернуться к античным контурам, поэтому некоторые его части подлежали сносу. Население оттуда переезжало в дома поближе к центру.

На одной из таких запустелых, никому не нужных улочек и возвышался маяк, сработанный не позднее двенадцатого-тринадцатого столетия. На фоне чернильного неба, слабо подсвеченного редкими звездами, которым повезло прорвать завесу туч, он смотрелся средневековой химерой, годной разве что для обитания призраков и совершения мрачных ритуалов.

Так думалось Аните, когда она, поддерживаемая под руку заботливым Алексом, осторожно ступала в темноте по разбитым мостовым. Конечно, все эти страхи были совершенно беспочвенны — в привидений

она не верила, а что касается ритуалов, то переполненный матросней, барышниками и мошенниками всех мастей Пиреус совсем не ассоциировался с каким бы то ни было мракобесием. Подобно другим портам, это был город воров, проституток, неприкаянных пилигримов, но никак не сектантов и оккультистов.

Так успокаивала себя Анита. Вместе со своими спутниками она незаметно дошла до указанного в записке места, где царила непроглядная мгла: небосвод закрывали разросшиеся деревья, а до ближайших городских фонарей было не меньше мили.

— Что-то мне здесь не нравится, — промолвил господин Чернояров. — Нет ли у вас, Алексей Петрович, с собою револьвера? Бог знает, на каких стервятников нарвемся...

В тоне его не слышалось робости, но напряжение, безусловно, присутствовало.

Раздался сухой щелчок, по которому Анита определила, что Алекс не только предусмотрительно запасся оружием, но еще и вынул его из кармана, чтобы держать наготове.

Вслед за щелчком лязгнуло, и этот звук был уже гораздо громче и сочнее. Позади покосившейся башни маяка загромыхало,

и через секунду оттуда появились два желтых глаза, источавших ослепительный свет.

Анита инстинктивно зажмурилась, а Максимов вскинул руку, готовый выстрелить. Ярко-лимонный свет залил всех троих, они очутились как бы в двух колыхавшихся водоемах, поперек которых обозначились вытянутые косматые тени.

— Не стреляйте! — выкрикнул кто-то, и два световых клинка поблекли.

Анита на пару миллиметров приподняла веки и разглядела перед собой, саженья в двух, не далее, отливавший металлом короб, напоминавший не то запаянную железную кибитку, не то уменьшенный вагон на колесах со спицами. Рассмотреть его подробнее не представлялось возможным, так как свет двух фар, хоть и приглушенный, по-прежнему был направлен прямо на вооруженного Алекса и тех, кто пришел с ним.

— С кем имею честь? — прогремел Артемий Лукич, первым обретший дар речи.

Анита и не представляла, что этот канцелярист с повадками сытого кота умеет говорить так грозно.

Фары погасли окончательно, зато вспыхнул масляный фонарь. Его держал в руке человек ниже среднего роста, сидевший на

верху вагона-кибитки. Пламя озарило огороженную низкими перильцами площадку с четырьмя сиденьями, а над ней — холщовый тент. Перед правым передним сиденьем располагались три рычага: два прямых, как палки, и один изогнутый. А слева виднелось подобие воронки, прикрытой куском ткани.

Еще Анита разглядела, что колеса снабжены каучуковыми шинами. И нигде не наблюдается дымовой трубы, свидетельствующей о наличии парового двигателя. Впрочем, не слышно было ни клокотания котла, ни треска огня в топке.

— Не стреляйте! — повторил человек и, не выпуская фонаря, вмиг спустился со своего насеста по узкой лесенке, прикрепленной сбоку от огороженной верхней площадки.

Это был несомненно азиат: глазки-щелочки, лицо с характерными широкими скулами, конусообразный головной убор со штрипками, завязанными под подбородком.

— Кань Тхань, — представился он, церемонно поклонившись. — Для ваша милости просто Кань.

— Ты из Китая? — осведомился Алекс, не опуская оружия.

Он сразу определил, что перед ним отнюдь не аристократ, поэтому не счел бестактным перейти на «ты».

Как и следовало ожидать, восточного иноземца это не оскорбило. Он поставил фонарь на землю и сложил ладошки, сделавшись похожим на статую Будды.

— Нет, гаспадина, я из Вьетнама. В прошлый год бежал на Владивосток, оттуда через Россия на Греция. И вот я здесь.

Анита отметила про себя, что все это достаточно правдоподобно. Над Индокитаем нависала угроза оккупации со стороны Франции, оправившейся после поражения императора Наполеона, и жители стран Юго-Восточной Азии, не обремененные семьями, хозяйством и имевшие кое-какие накопления, уезжали из родных краев в поисках лучшей и мирной жизни.

— За год ты неплохо освоил русский, — похвалила она Каня, и это ему понравилось, тонкие губы растянулись в полуулыбке.

Алекс решил, что можно убрать револьвер. Вьетнамец не производил впечатления разбойника, да и где ему, тщедушному, совладать с двумя крепкими мужчинами и не лишенной физической силы женщиной!

Артемий Лукич приблизился к стоявшему на колесах коробу и с опаской потрогал его поблескивавший в зыбких отсветах бок.

— Что это у тебя? Если тарантас, то где лошади? Если локомобиль, то где паровая установка?

— Гаспадина не угадала. — Улыбка на устах вьетнамца стала шире; он, можно сказать, осклабился. — Это электрический дилижанс, он работает от ток.

— Вроде вот этого? — Максимов показал ему пойманную в кафе машинку. — Какая же мощность у твоего аппарата?

— Мощности хватит, чтобы везти три или четыре человек, — заверил Кань и убрал с лица усмешку, дабы собеседники не подумали, что он шутит.

Максимов скептически покачал головой. Да, он был в курсе всех разработок в области электротехники, сделанных за последние полвека. Слышал и о тележке венгерского инженера Йедлика, и о первом пригодном для практического применения электродвигателе российского изобретателя Якоби, созданном в середине тридцатых годов. Лет двенадцать назад он лично присутствовал среди зевак, смотревших, как оснащенная таким двигателем лодка плыла по Неве про-

тив течения. В 1841 году химик из Абердина Роберт Дэвидсон построил полноразмерный электромобиль, однако эта громоздкая конструкция весила около семи тонн и через каждые полторы мили нуждалась в смене гальванических элементов. Да и скорость ее — четыре мили в час — немногим превосходила среднюю скорость пешехода.

— Гаспадина сомневается? — угадал его мысли вьетнамец. — Зря. Эта машина, — он похлопал по стальному кожуху, — бежит за час пятнадцать миль. Ей надо отдых полчаса в сутки, чтобы заправить и смазать мотор.

— Это ж сколько батарей придется иметь про запас! — воскликнул Алекс, все сильнее изумляясь.

— Нисколько, — последовал ответ. — Мотор работает на обыкновенный вода. Ее заливают вот тут.

Кань показал на уже замеченную Анитой воронку.

Максимов нахмурился. Теперь он точно мог сказать, что этот гость с Востока над ними издевается. Выработка электрической энергии из воды? До такого даже сказочники не додумались!

Он собирался уже послать наглеца куда подальше посредством русских бранных 25

выражений, которые тот должен был изучить вместе с великим и могучим по пути с Тихого океана в Европу, но Кань упредил вспышку гнева смиренной речью:

— Пускай гаспадина не ругается. Это правда. Я забыл сказать, что в воду надо добавить порошок. Вот. — Он вынул из-под длиннополой хламиды, в которую был облачен, полотняный мешочек, подбросил его в руке и спрятал обратно. — Это химическое вещество. Оно помогает разлагать вода. Высвобождает энергию.

Анита прислушивалась к нему с возрастающим вниманием. «Химическое вещество», «высвобождает энергию» — не слишком ли мудреные словеса для оборванца, прибывшего из джунглей? Нет, за всем этим определено что-то кроется. Но, в конце концов, прогнать его они всегда успеют.

Алекс переглянулся с ней и, по-видимому, пришел к тому же выводу. Его раздражение улеглось, и он, смилив себя, подошел вплотную к электромобилю. Постучал по борту, заглянул под днище.

— Могу я посмотреть, как он устроен?

— Не сейчас, гаспадина, — мягко отказал ему Кань. — Я знаю, что вы хорошо разбирайтесь в механика. Если вы увидите, как

устроен моя машина, вам она будет не нужна. Вы построите такой же, и бедный Кань оставайся без деньга.

— Твоя машина? — Артемий Лукич поднял брови. — Хочешь сказать, ты сам ее сконструировал?

— Кань никогда не лгать, — кротко ответил вьетнамец. — Я делал этот дилижанс десять лет. На нем и поехал из дом. Мне бы не пересечь Россия пешком.

Это верно, подумала Анита. Дальний Восток, Сибирь, Урал — расстояния почти астрономические. На своих двоих эдакую дистанцию не одолеть.

— Складно болтает, — шепнул ей на ухо Алекс. — Но по мне, все это байки. Я тебе как специалист говорю.

— Гаспадина хочет доказательства? — немедленно отозвался Кань.

То ли слух он имел сверхчуткий, то ли проницательным был, как Огюст Дюпен из рассказов американца По, но реплики вставлял всегда к месту, отзываясь порой на желания, еще и не высказанные.

— А почему бы и нет, милейший? — Чернояров поправил щегольской цилиндр и ткнул концом трости в колесо дилижанса. — Насколько я понимаю, ты вызвал нас

сюда с намерением продать эту колымагу? Но мы должны убедиться, что покупаем качественный товар. Нет?

Кань вновь оскалил охристого цвета зубы и с самыми любезными интонациями объяснил, что у него и в мыслях нет обманывать почтенных господ. Если они желают удостовериться в надежности и эффективности его изобретения — пожалуйста. Кто первый?

Максимов вошел в азарт.

— А давайте все вместе! Чур, я буду управлять.

Никто не возражал. Он, не тратя времени, взобрался на верхнюю площадку электромобиля и подал руку Аните. Подъем по лесенке оказался несложным. Кань подстраховал тучного Артемия Лукича, и вот уже все четверо уселись в не слишком удобные, но сносные креслица. Алекс погрузился в изучение рычагов. Кань услужливо подсказывал.

— Нет никакая сложность, гаспадина. Потянуть правый рычаг — машина пойдет вперед. Тянуть дальше на себя — пойдет быстрее. Потянуть левый рычаг — машина пойдет назад. Крутить средний рычаг — машина будет поворачивать.

Максимов безотлагательно воспользовался советами и привел тарантас в действие. Он потянул за правый рычаг, в железной утробе что-то звякнуло, как будто тренькнул колокольчик, и казавшаяся неуклюжей громада стронулась с места. Кань надавил ногой не приметную педальку, вспыхнули лупоглазые фары. Это было наименее удивительным, ибо использование электричества в качестве источника освещения изучалось уже вовсю. Десять лет назад англичанин Молейнс запатентовал лампу, в которой светился порошковый уголь, помещенный между двумя платиновыми электродами, а четырем годами позже его земляк по фамилии Кинг изобрел нить накаливания, сделанную из металла. Так что поразить воображение просвещенных людей электрическими фонарями было довольно сложно.

Но сама машина! Повинуясь рычагу, она плавно набирала ход. Снабженные рессорами колеса негромко поскрипывали, пассажиров слегка покачивало. К сожалению, улочки в этом нежилом районе были изрядно выщерблены, к тому же их кривизна не позволяла развить заявленную Канем быстроту. Тем не менее короткая поездка вокруг маяка вызвала у Аниты,

Алекса и Артемия Лукича искреннее восхищение.

— Это чудо какое-то! — прокомментировал Максимов, передвинул рычаг в вертикальное положение, и машина послушно остановилась. — Впервые ездю на экипаже, который не гремит, не дымит и так легок в обращении. Однако ж его скоростные характеристики покамест не подтверждены. Требуется дополнительные испытания.

Анита отдала должное его благоразумию. Машина может быть хороша на коротком отрезке и малой скорости. А разогнать ее посильнее и устроить дальний пробег — как она себя поведет?

Вьетнамский самородок и здесь не стал артачиться. Господа настаивают на испытании? Да будет так. Дорога, проложенная между Пиреусом и Афинами, имеет протяженность семь с половиной миль. Если угодно, завтра же вечером Кань готов доехать на электродилижансе до греческой столицы.

— А нельзя ли это сделать днем, при свете? — внесла поправку Анита.

Кань замаялся. Он сказал, что нарочно окружил свое изобретение секретностью, поскольку боится, что машину украдут нехорошие люди. Кто бы из них отказался

от двигательного средства, за которым не угнаться ни полицейским, ни жандармам?

Кань хранил бы свое детище при себе до гроба, если б не крайняя нужда в деньгах. Он долго выискивал приличного покупателя, пока однажды не услышал в кафе беседу супругов Максимовых и господина Черноярва. Он уверился, во-первых, что они честные дворяне и с ними можно заключить сделку без риска быть надутым, и, во-вторых, машина окажется в умелых руках, так как один из них — инженер. Последнее, по признанию Кая, имело для него весьма немаловажное значение. Он вложил в создание электромобиля столько сил, что жалко было бы отдавать его кому ни попадя.

Итак, обе стороны условились о полной прозрачности и чистоте предстоящего эксперимента. Аните надлежало остаться в Пиреусе и присутствовать при старте. Максимов должен был заранее отбыть в Афины, чтобы своими глазами увидеть финиш, зафиксировать время и осмотреть дилижанс на предмет возможных повреждений, которые могли произойти по дороге. С Канем же предстояло отправиться Артемию Лукичу — как наиболее уважаемому и беспристрастному свидетелю.

В гостинице, перед сном, Анита и Алекс обменялись мнениями.

— Знаешь, Нелли, мне до сих пор не верится, что такое возможно, — признался Максимов. — Это же почти перпетуум-мобиле. Залил водички и шуруй... Звучит как миф.

— Водичка непростая, — напомнила Анита, высвобождаясь из уличного одеяния и принимая от вышколенной служанки пеньюар. — Если ты помнишь, в нее надо добавлять некий порошок. И думается мне, его рецепт Кань не выдаст нам ни под какими пытками.

— Тогда какой смысл покупать у него агрегат? Нет уж... Я согласен заплатить ему за эту штуковину, как за конюшню породистых лошадей, но он выложит мне всю подноготную. Иначе никакой купли-продажи!

На следующий день после обеда Максимов уехал в Афины. Он не спешил и воспользовался услугами горожанина, который вез в столицу продукцию собственной сыроварни. Алекс примостился на скрипучей повозке, где-то между фетой и гравьерой, и понурая лошадка, понукаемая смуглым возницей, потряхала навстречу заходящему

Часа два спустя, когда совсем стемнело, к тумбе, на которой когда-то стоял похищенный венецианцами в семнадцатом веке пирейский лев, подъехал Кань на своем электромобиле. Его уже ждали Анита и Артемий Лукич. Вход в Центральную гавань, назначенный точкой старта, был, в отличие от городских улочек, местом людным, и прохожие стали заглядываться на дивное сооружение, тихо катившееся по проезжей части рядом с конными упряжками.

— Я готов, — доложил Кань, притормозив возле тумбы.

— Мы тоже. — Господин Чернояров не без усилий взгромоздился на верхнюю площадку и занял позицию позади вьетнамца. — Засекайте время, Анна Сергевна. А ты, — это относилось к изобретателю, — гони во весь дух. Только гляди, в кювет меня не вывали!

— Гаспадина будет довольна, — поручился Кань, но попросил минутку обождать.

Из отсека в задней части машины он достал ведро, зачерпнул им воды из ближайшей канавы и поставил на землю. Потом развязал уже знакомый Аните мешочек, извлек оттуда щепотку порошка серебристого оттенка и высыпал его в ведро. Вода заши-

пела, забулькала, из нее полетели микроскопические пузырьки.

Аните невольно пришел на ум образ алхимика или чародея, колдующего над своими зельями. Каню недоставало только мантии и какой-нибудь древней книги с пентаклями и сатанинскими символами.

Число прохожих, коих привлекло необычное действие, возрастало с каждым мгновением. Кань, не скрывая беспокойства, поглядывал по сторонам и, едва реакция в ведре завершилась, полез с ним на крышу электромобиля. Там он сдернул с воронки прикрывавшую ее тряпицу и несилой струей перелил содержимое ведра, все еще шипевшее и сверкавшее огоньками, в нутро своей машины.

Праздный люд, глазевший на бесплатное представление, загудел, все гадали, что будет дальше. Кань уселся перед рычагами. Артемий Лукич нетерпеливо ерзал, ожидая отправления. Но машина оказалась окружена народом, и если б Кань отправил в ее чрево электрический импульс, обозначающий начало движения, то могли пострадать не менее четырех-пяти глупцов.

Он включил фары. По рядам пронеслось
34 звучное «а-ах!», некоторые зрители закры-

ли руками лица, но расступаться не собирались.

Что за ослы, разрази их Громовержец! Аните надоело ждать, она отошла во тьму и оттуда заполошно крикнула на ломаном греческом:

— Вор! Держи вора!

Эти слова она так часто слышала в прохиндейском Пиреусе, что успела их выучить.

Люди засуетились, стали озираться, хвататься за карманы и сумки. А Анита продолжала повторять одно и то же, для пущей убедительности показывая рукой куда-то в сторону жилых кварталов.

Никто туда не побежал, но пока все сосредоточенно проверяли, не у них ли случилась покража, Кань сумел завести свой самоходный рыдван и покинуть столпотворение. Очутившись на открытом пространстве, он прибавил скорости и вписался в одну из примыкавших к гавани улиц. Публика разочарованно выдохнула, но пускаться вдогонку сочла неразумным и быстро рассосалась. Анита этого уже не видела, так как, сверившись с хронометром (17.46 по локальному времени), она покинула стартовый пяточок и направила стопы к продуктовому магазин-

чику, вывеску которого заметила еще при дневном свете.

Почему-то очень захотелось оливок. Как выразился бы Алекс, *do zarezu*. Вообще-то не барское это дело — в бакалеи захаживать. На то есть прислуга. Но ехать сейчас в гостиницу, отряжать Веронику, растолковать ей, что к чему... Та еще клуша — уйдет, и жди ее часа полтора. Пока до соседней улицы добредет, успеет всех ворон пересчитать, на все дамские наряды налюбоваться и всем чистильщикам обуви подмигнуть. Нет, проще делать самой.

Рассудив так, Анита вошла в магазинчик. Внутри было темновато, горели только две тусклые лампы с дрянными фитилями. Они издавали надсадное потрескивание, поминутно гасли и снова тяжело разгорались. Пахло пряностями и чем-то кислым. Лавочник с мясистым носом наливал из глиняного жбана в высокий кувшин густое оливковое масло. Завершив сию процедуру, он заткнул горлышко деревянной пробкой. Деваха с похожими на паклю волосами, выбивавшимися из-под повязанного на голову платка, высыпала на прилавок горсточку медяков, взяла кувшин и, стараясь не рас-

плескать содержимое, выплыла из магазинчика.

Стоявшая у порога Анита посторонилась, пропуская ее, после чего убедилась, что в магазине нет других покупателей, и подошла к продавцу. Он воззрился на нее с некоторым недоумением. По всему видать, высокородные особы посещали его лавчонку нечасто, а одежда свидетельствовала, что перед ним отнюдь не простолюдинка.

Анита указала облаченной в перчатку рукой на бочонок, в котором мокли оливки. Ее познания в греческом были более чем ограничены, поэтому пришлось прибегнуть к языку жестов. К счастью, обнаружилось, что лавочник худо-бедно знает французский: жил когда-то в Марселе, ходил матросом на торговом паруснике.

Он отобрал для знатной дамы несколько десятков крупных оливок и ссыпал их в кулек, свернутый из трех слоев толстой бумаги. Анита выложила на прилавок серебряную монету номиналом в два франка. Их начали чеканить в Париже в позапрошлом году. Французские франки, выплавленные не из меди, а из благородных металлов, охотно принимались практически во всех странах Европы.

Продавец залопотал, что сдачу может отсчитать только драхмами. Аниту это устраивало. Он положил перед ней красивую монету достоинством в одну драхму и равнявшуюся, согласно текущему курсу, одному франку. Пока лавочник возился с мелочью, высыпая на прилавок нужное количество медных лепт, Анита взяла драхму и поднесла к лампе, чтобы тщательнее рассмотреть. На аверсе был изображен профиль короля Оттона, а на обороте — щит с крестом, увенчанный короной.

Анита сняла с левой руки перчатку и поскоблила ногтем щеку Оттона. Так и есть! Под тонким слоем серебра открылся черный металл.

— Фальшивка! — заявила она лавочнику и зажала монету в кулаке. — Где ты ее взял?

Тот спал с лица, полуобернулся к двери, ведшей в подсобное помещение, и выкрикнул по-гречески два слова, схожих с карканьем ворона. На этот призыв из подсобки выступил здоровенный детина с закатанными по локоть рукавами. Черты одутловатой физиономии и величина носа позволили Аните заключить, что это близкий родственник продавца, скорее всего, сын. Он стал

надвигаться на нее свирепо и неукротимо, как африканский носорог.

Она мысленно признала свое поведение крайне неосмотрительным. Сейчас эти двое пристукнут ее, разрежут брентную плоть на куски, утрамбуют в бочонок из-под оливок и выбросят в морскую пучину. Никто и не узнает, что здесь произошло.

Проклятье! Как же не хватает Алекса... Уж он-то разделался бы с ними в два счета.

В сложившихся обстоятельствах полагаться приходилось лишь на собственные силы и смекалку. Закричать? Если неподалеку от магазинчика кто-то есть, услышат, придут на помощь...

А если не придут, побоятся? Нет, надо действовать иначе. Но и бежать наутек сломя голову тоже не годится, гордость не позволяет.

Анита сунула руку в ридикюль и вытащила кинжал, припасенный как раз для подобных случаев. Детина с закатанными рукавами противно заулыбался, показывая своим видом, что ее отпор смешон.

Что ж, посмотрим! Анита перехватила кинжал клинком кверху и, размахнувшись, ударила рукоятью в покатый бок глиняного жбана. Она молниеносно отскочила и сде-

лала это вовремя: из расколотой посуды лавиной хлынула вязкая масса и растеклась лужей под ногами у детины. Он по инерции сделал шаг вперед и грохнулся навзничь, приложившись затылком об угол прилавка.

Не убился? Вроде нет. Крови не видно, значит, череп цел. Таковую баклушку даже кувалдой не расшибешь.

Продавец не сразу сообразил, что случилось, и застыл с разинутым ртом. Анита, не мешкая, склонилась над упавшим громилой и приставила кинжал к его бычьей шее. Лавочник, опомнившись, дернулся к поверженному Голиафу, но Анита опередила его возгласом:

— Стой! Ты же не хочешь, чтобы я перерезала ему глотку?

В нужные минуты она умела быть решительной и властной. Лавочник облизнул пересохшие губы и привалился к стене.

— Что вам угодно? — еле выговорил он, шевельнув задеревенелыми челюстями.

— Я уже сказала. Мне угодно знать, откуда у тебя фальшивые монеты. — Он медлил с ответом, и она с наслаждением вдавила кинжал в жилистую выю верзилы. — Ну?

...В гостиницу Анита вернулась в восьмом часу вечера. Принесла с собою кулек

оливок и в ожидании Алекса уселась перед окном, выуживая их одну за другой и с удовольствием ощущая пряный солоноватый вкус.

Минуло восемь, девять, затем и десять часов, Максимова все не было. Анита стала тревожиться. Наконец он явился, продрогший, но довольный. С порога объявил, что эксперимент дал поразительный результат. Расстояние в семь с половиной миль между Пиреусом и Афинами электрический монстр Каня преодолел за сорок три минуты. Иными словами, скорость составила чуть меньше обозначенных создателем машины пятнадцати миль в час, однако все равно оказалась впечатляющей. Следовало также сделать скидку на неважное состояние дорожного покрытия.

Анита спросила, в котором часу машина прибыла в столицу, и признала, что выводы, сделанные Алексом, верны.

— Почему же ты приехал назад так поздно? Или вы с господином Чернояровым на радостях зашли в таверну?

— В таверну я заходил, — сознался Максимов, — но один и совсем ненадолго. Сегодня холодно, и рюмка ракии помогла мне

не закоченеть. А вернулся на попутной двуколке.

— Почему не на электромобиле?

— Черноярову понадобилось заехать в посольство, он сказал, что пробудет там долго. Я не захотел ждать, оставил ему Кая и машину... А что, это важно?

— Нет... Забудь.

Максимов, воодушевленный произведенными наблюдениями и открывшимися перспективами, ходил взад-вперед по комнате.

— Мы должны купить эту машину! За любые деньги! Это же невероятно... прорыв в технике!

По его чересчур экзальтированному состоянию Анита догадалась, что одной рюмкой ракии дело не ограничилось.

Но и на следующее утро, на трезвую голову, он твердил все о том же:

— Покупаем! Пойми: если я разберусь в принципе ее действия... а я разберусь!.. то мы заработаем миллионы!

На это Анита возразила: прежде чем мечтать о баснословных заработках, следует определиться с затратами, а они, вероятнее

— Кань просит за машину тысячу драм, — ответил Максимов.

Анита перевела названную сумму в более привычные денежные единицы.

— То есть тысячу франков? Ого! На эти деньги можно два года снимать в Париже квартиру с полным пансионом.

— На самом деле он запросил тысячу пятьсот, но треть затрат взял на себя Черноярков. Он с нами в доле.

— Полторы тысячи? Не жирно ли? — усомнилась Анита.

Алекс заступился за вьетнамского гения:

— Это почти даром, Нелли! Уверяю тебя, наши издержки окупятся.

В тот же день он еще раз съездил в Афины и по имевшимся у него ценным бумагам получил в отделении Национального банка Греции тысячу серебряных драм. Покупка электромобиля должна была состояться в восемь вечера возле уже знакомого нашим героям старого маяка. Туда же Артемий Лукич обещал принести свои пятьсот драм, чтобы расплатиться с Канем сполна.

Но прежде чем осуществилась эта сделка, произошло еще одно немаловажное событие.